

НОДАР БЕРУЛАВА

**Доктор истории, ассоциированный профессор Сухумского Государственного
Университета (Грузия)**

**ОБ ОСВЕЩЕНИИ НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ВОПРОСОВ АРХЕОЛОГИИ АБХАЗИИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

DOI: <https://doi.org/10.52340/isj.2024.28.11>

Имя Александра Юрьевича Скакова хорошо известно всем, кому довелось заниматься проблемами археологии и истории Кавказа. Однако, археология и история – лишь один из аспектов деятельности А. Скакова. Кроме этого он был координатором рабочей группы Центра изучения Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, известным политологом и, вообще, специалистом по делам Кавказа «широкого профиля», работающим на правительство РФ и, соответственно, являющимся своего рода рупором кремлёвской антигрузинской пропаганды.

Представленный нами материал является откликом на публикацию А. Ю. Скакова «Абхазия в античности: попытка анализа письменных источников». Автор в данной работе преследует цель очередной раз обосновать давно вынашиваемый им тезис – о неоднородности Колхидской культуры и этнического состава носителей этой культуры. Скажем прямо, ничего предосудительного в подобном подходе, в научном отношении, конечно, нет, если бы не изначально предвзятое стремление автора (причём нескрываемое и прямо декларированное уже в первых строках рассматриваемой публикации), – во что бы то ни стало, опровергнуть общепризнанное (как это признает сам А. Скаков) в науке положение о древней Колхиде, как о колыбели древнегрузинской государственности и отождествление данной культуры с картвельскими племенами, известными в античных источниках, как колхи, а также исконном ареале проживания протокартвельских (точнее, мегрелочанских и сванских) племен.

Однако, для ниспровержения устоявшей-

ся, общепринятой концепции недостаточно просто найти ряд аргументов, подвергающих сомнению некоторые ее положения и допускающих иное толкование. Для этого следует если не создать свою, более убедительную версию, то, как минимум, доказать наличие значительного числа фактов, объяснение которых в рамках существующей концепции невозможно. Именно с этой задачей, несмотря на долгую и тщательную подготовку, собирание и соответствующую интерпретацию фактов, автор, на наш взгляд, не справился. Факты, как их ни интерпретируй, вещь упрямая и объективно картина, нарисованная А. Скаковым, несмотря на все старания и риторику автора, едва ли может соответствовать намеченной им цели.

Эта довольно обширная статья делится на ряд глав, каждая из которых заслуживает отдельного рассмотрения.

Начнём с главы: «Многоплеменность Западного Закавказья», которая особенно насыщена критическими замечаниями и собственными оригинальными версиями. По утверждению А. Скакова, Западное Закавказье имело разноплеменное население и было этнически пестрым. Поэтому «ставшие своего рода аксиомами» представления о единой колхидской, тем более – «колхидско-кобанской» археологической культуре, должны быть пересмотрены». Учёный на этом не останавливается и призывает пересмотреть также и тезис о «якобы могущественном Колхидском царстве», подчинившем греческие колонии побережья. Эта точка зрения ему кажется мало достоверной из-за того, что сведения о нем почерпнуты из мифов и «крайне незначительного числа

источников». Ссылаясь на довольно спорный вывод грузинского нумизмата Г. Дундуа, А. Скаков отрицает и «факт существования единого Колхидского царства в II-I вв. до н. э. ... на основании нумизматического материала». Что же касается «страны Кулха» урартских источников он её помещает «в значительно более южных районах Восточного Причерноморья (область Кларджети в течении реки Чорох)» и считает, что она не имеет отношения к Абхазии.

В этой связи, вольно трактует А. Скаков сведения Страбона. Приводя сообщение древнегреческого географа о том, что цари Колхиды «владели страной, разделенной на скептухии» и «благополучие их было невелико», учёный проводит параллель с явно отсталыми племенами региона – гениогами, имевшими 4 «царства», поделенные еще и на «скептухии», и соанами у которых власть царя ограничивалась советом из 300 племенных вождей. «Тем самым, – пишет А. Скаков, – в один ряд встают якобы могущественные колхи, отсталые пиратские племена... и горцысоаны: царская власть и у тех и у других была достаточно слабой, говорить о существовании устойчивых государственных образований для этого времени не приходится». Вместе с тем, и «имеющиеся археологические и лингвистические данные не позволяют говорить о культурном и этническом единстве населения Западного Закавказья во II-I тыс. до н.э.». Исходя из этого, российскому исследователю представляется необоснованным «напрямую связывать его (Колхидское царство – авт.) с исключительно с картвельским или же только с абхазо-адыгским кругом».

То, что Западное Закавказье, в целом, на самом деле, было разноплеменным - вряд ли серьезно кто-либо будет оспаривать, но это вовсе не означает, что вся территория исторической Колхиды представляла собой сплошной «интернационал». Совершенно очевидно, что Большая часть региона, в том числе, по меньшей мере центр и побережье Абхазии – окрестности Диоскурии-Себастополиса, Пи-

тиунта и т.д. были сугубо колхскими. Вообще, идея о разноплеменности Колхиды не нова. В абхазской историографии и ранее были попытки объяснять отсутствие в античных письменных источниках упоминаний об абхазских и прочих племенах на основной территории Колхиды тем, что последние в глазах иностранцев обычно ассоциировались с колхами. Однако, упоминание по соседству с колхами кораксов, колов и др. означает, что имя колхов в раннеантичный период еще не «перекрывало» названий других, более менее автономных (хотя, вполне вероятно, этнически близких колхам) племен Колхиды, в т. ч. «колхских», по словам Скилака племен («колхских» этнически или политически? Или и то и другое?) – кораксов и мосхов. Соответственно, на остальных территориях Колхиды жили именно колхи, иначе бы названия других неколхских племен сохранились в источниках, подобно кораксам и колам. А это были центральные, ведущие районы Колхиды, в т. ч. и нынешней Абхазии, так что если даже «уступить» живущих где-то в горных ущельях кораксов и колов абхаз-адыгам, картвелы (или, если угодно, протокартвелы) в Абхазии в ту эпоху все равно выглядят не пришельцами, а основным этническим элементом, занимающим большую часть этого края, включая его ведущие, приморские районы.

К тому же, интересно, если, как считает автор, в Колхиде были и другие племена кроме колхов, то чем объяснить молчание о них письменных источников эллинистического периода? Как уже отмечалось, отсутствие упоминаний до н.э. предков абхазов в письменных источниках традиционно пытались объяснить именно тем, что иностранцам трудно было их отличить от колхов – Иначе говоря доминированием колхов (что, кстати, говорит в пользу версии о едином Колхидском государстве, столь рьяно отрицаемом А. Скаковым).

Что касается греческих мифов, то они имеют свойство подтверждаться. Ведь Троя, Минойская держава, Великая Фригия и др.

государства были известны сперва исключительно по древнегреческому мифологическому наследию, и лишь позже эти сведения нашли научное подтверждение. Почему доантичная Колхида должна быть исключена? Возможно, археологический материал прямо и не подтверждает факт существования Колхидского царства, но и не отвергает. В. Голенко, основываясь именно на нумизматических данных, говорит о наличии устойчивых монархических традиций в Колхиде. А территория Кулхи действительно начиналась в южной Грузии, где она граничила с Урарту. Но неясно, докуда она доходила на севере и западе. Страна, оказавшаяся столь серьезным противником для сверхдержавы раннежелезного века, маленькой быть не могла. Ведь не говоря уже, что захват лишь одного ее пункта – Илдамуша (не столицы, как иногда полагают, а города, управлявшегося царским наместником) урартский царь считает большим достижением, надо помнить, что Кулха первая дерзнула бросить вызов находящемуся тогда на пике могущества Урарту, захватив ее данника – Диаохи. И что сумелатаки ее удержать в итоге долгой борьбы, а все ответные походы урартов в Кулху были лишь попыткой вернуть утраченные земли Диаохи!

Малоубедительным представляется и попытка А. Скакова, провести параллель между колхским государством Савлака и разделенными на 4 условных «царства» племенами генихов. Следует отметить, что эта идея не новая и активно мусировавшаяся в свое время Ю. Вороновым. На самом деле общим у колхов и генихов (кроме материальной культуры) можно назвать только наличие института «скептухов». Но это неоднозначный термин, обозначающий в зависимости от контекста то вождей, то князей, наместников и т.д. И если генихи (как и соаны) выглядят в источниках отсталыми племенами, это не значит, что все выводы о них следует автоматически переносить на колхов. Сказочное богатство, например, Плиний Секунд приписывает именно Савлаку. К тому же отмечает, что тот владел

«землей соанов», которая по контексту не была всем его царством, или даже основной его частью. Так что, он явно правитель довольно солидного образования, которое неверно было бы ставить в один ряд с генихами и пр. Другое дело, что государства (и центральная власть в них) то усиливаются, то слабеют, что собственно и имел ввиду Плиний, говоря об «умеренной власти» наследовавших Савлаку колхских царей. Если Колхида, ослабев после Савлака, все же сохраняла хоть относительное единство, то, очевидно, она представляла собой нечто большее, чем рыхлый союз племен типа генихов с их 4 «царствами». Даже тот факт, что Плиний, Страбон и др. невысоко оценивают «благополучие» или «власть» поздних колхских царей, не противоречит существованию государства: их, очевидно, сравнивали с более ранними царями, периода расцвета страны. Бедность или слабая власть какого-нибудь гениховского царька никого бы не удивили, но от колхов явно ждали большего.

Что же касается утверждения А. Скакова о необоснованности прямой связи археологического и лингвистического материала Колхидского царства «исключительно с картвельским или же только с абхазо-адыгским кругом», то с картвельским он соотносится точно, а с абхазо-адыгским – только предположительно, да и то маловероятно для тех времен. Ниже будет видно, что автор реально сам же отводит неколхским (причем не-колхским опять же лишь предположительно) племенам весьма скромную долю даже на территории нынешней Абхазии, да и эти племена открыто называть «абхазскими» не решается. В любом случае, Колхида в течении многих веков признавалась окружающим миром страной в определенных, стабильных границах. Т.е., это не было случайное, аморфное объединение и ведущий этнический элемент в ней должен был быть.

А. Скаков явно выдаёт желаемое за реальное, когда говорит о том, что «Представление о существовании единой колхидской или, тем более, «колхской» культуры постепенно ухо-

дит в прошлое и становится не более чем фактом историографии» и отвергает положение о том, что в Колхидском царстве «превалировал картвельский (колхский и сванский) этнический элемент». «Колхи», – в понимании А. Скакова – «это собирательное название значительного числа племен, вероятно, разноразличных», локализуемых античными авторами «с одной стороны ... между Диоскуриадой и Апсаром» а с другой – «в окрестностях Трапезунта». И «именно в данном контексте следует понимать определение Гекатеем Милетским кораксов и мосхов как «племен колхов». В подтверждение вышесказанного, А. Скаков ссылается на «Схолии к Эсхилу», где «скифским племенем» признаны «халибы, населяющие север Анатолии, а сама Колхида располагалась в Скифии» а также и на сообщение Гезихия Александрийского, в котором кораксы названы «скифским народом». Учитывая данное обстоятельство, А. Скаков предостерегает от выводов относительно «этнокультурной ситуации в Восточном Причерноморье на основании информации такого характера».

Что сказать в связи с этим? Практически любую культуру можно при желании дробить на локальные варианты. Автор подтверждает данный тезис ссылками только на свои собственные публикации, а его мнения (явно субъективного и имеющего политический контекст) недостаточно для столь безапелляционного опровержения давно всеми признанного тезиса о существовании единой колхидской культуры. Это, впрочем, тема для отдельного разговора. А на то, что картвельский «этнический элемент» в любом случае «превалировал» в Колхиде (даже если предположить параллельное проживание предков абхазов где-нибудь в нагорье), указывают при внимательном прочтении и данные, приводимые самим А. Скаковым, в чем можно будет убедиться ниже.

Относительно авторской трактовки сообщений о том, что колхи проживали «с одной стороны ... между Диоскуриадой и Апсаром» а с другой – «в окрестностях Трапезунта».

Даже Прокопий Кесарийский в VI веке еще замечает, что «соседей трапезундцев обычно называют колхами», хотя сам же обычно относит последний этноним к лазам. Как известно, ещё Геродот называл «колхами» племена 19-й сатрапии Персии, шедшие в войске Ксеркса вместе с марами, а за ним и другие греки, тоже различали колхов-фасианов (т.е., фазисских колхов) и др. колхов, живущих южнее. Самое естественное объяснение этому – то, что Западная Грузия политически являлась Колхидой, а племена рна Трапезунда так называли из-за их близкого родства с ее ведущим этническим элементом. В историографии общепринято (на основе сведений Псевдо-Скилака Кариандского), что Колхида простиралась от Диоскурии до Апсара, а дальше жили уже отдельными группами небольшие племена колхов.

Все просто и понятно, гадать и придумывать что-либо ни к чему. Ситуация довольно типичная: есть государство, объединившее только часть близкородственных племен, остальные более или менее сохранили независимость (как было и со всеми эллинскими, славянскими, германскими и прочими государствами, из которых ни одно ни на каком этапе не смогло охватить все этнически близкие себе объединения, хотя никто на этом основании не считает какой-либо из данных этнонимов собирательным для разнородных племен). Следует отметить, что независимые или автономные колхские племена жили не только к югу, но и к северу от собственно Колхиды.

Тезис о том, что «колхи – это собирательное название значительного числа племен, вероятно, разноразличных...» - расплывчат и недоказуем. А главное, он даёт повод для отрицания того очевидного факта, что например трапезундские колхи, которые политически в Колхиду не входили, фазисским царям не подчинялись, колхами, соответственно, назывались не в «собирательном» значении, а именно из-за их этнической близости с фасианами. Примерно также как этнонимы «германцы», «славяне», «кельты» и прочие тоже

собираательные, распространявшиеся, очевидно, от какого-нибудь одного племени на группу родственных, хотя часто независимых друг от друга племен. Родственных прежде всего в языковом плане. Почему с колхами ситуация должна была быть иной? Конечно, в Колхиде, как и в любом государстве, могли жить иноязычные племена, которых также иногда собираательно называли колхами. Например – сваны, а также мосхи и кораксы Скилака. Из них, мосхи и сваны, уж точно картвелы (пусть и не колхи в узком смысле), а кораксы вполне могли быть и колхоязычным племенем и сваноязычным, но автономным, хотя едва ли полностью независимым.

В любом случае, вероятнее всего будет предположить политическое господство колхов над кораксами, а затем и колами, а позже – интеграцию и ассимиляцию этих племен с колхами, поскольку в эллинистический период они исчезают из источников. Позже, в начале н.э., они вновь фрагментарно всплывают в некоторых источниках, но это (как, кстати, замечает и А. Скаков) – явно компиляция с раннеантичных данных. Впрочем, все сказанное имеет значение лишь в том случае, если колы и кораксы действительно жили на территории Колхиды. Но по мнению А. Скакова, как будет видно дальше, кораксы и часть мосхов, хотя и считались, согласно Гекатею Милетскому, колхскими племенами, жили вне собственно Колхиды, несколько северо-западнее. В этом случае о них можно сказать то, что было сказано выше о трапезундских колхах, т.е. что «колхами» они, очевидно, должны были считаться не в собирательном, а в прямом (этническом) значении. Впрочем, А. Скаков в данном случае проявляет известную осторожность и называет прямолинейную трактовку таких определений «сомнительной», не исключая ее полностью.

Упоминания же «Схолии к Эсхилу» и Гезихий Александрийского о халибах и кораксах как о «скифских племенах», на самом деле сомнительная параллель. Тем более, что – это отрывочные сведения, а Восточное Причерно-

морье связывали с колхами постоянно и стабильно.

Далее А. Скаков отмечая, что «Наиболее ранние античные источники подтверждают наличие в регионе, занимаемом выделенной в середине XX в. Колхидской культурой, нескольких племенных общностей», критикует утверждение Н. Ломоури о том, что «все античные авторы, описывающие ситуацию в Восточном Причерноморье, называют здесь лишь один народ – колхов». При этом учёный обращает внимание на то, что чуть ниже Н. Ломоури «опровергает сам себя: «для VI-I вв. до н. э. реальным остается проживание в Северной Колхиде колхов, колов и кораксов». «Кроме того, – справедливо заключает А. Скаков, – этническую карту и этническую номенклатуру региона следует рассматривать в динамике, так как сомнительно, что на протяжении более чем полтысячелетия границы племен и племенных общностей оставались неизменными».

Мы, конечно, не можем не согласиться с выводом А. Скакова, о том, что ареал Колхидской культуры в целом (от р. Кызыл-Ирмак, почти до Геленджика), а тем более – Колхидскокобанской (включающей Северный Кавказ), едва ли мог быть на протяжении стольких веков этнически неизменным и однородным. Это относится к любому более-менее крупному этнокультурному ареалу и вряд ли стоит на этом заикливаться. Но нас ведь интересует в первую очередь территория современной Абхазии, на которой Н. Ю. Ломоури и др. исследователи (М. П. Инадзе, Д. Л. Мухелишвили) выделяют вместе с колхами кораксов и колов, что и дает повод говорить о том, что территория Абхазии была не чисто колхской. Однако, как увидим ниже, сам А. Скаков размещает эти племена (кстати, довольно убедительно) вне границ Абхазии, чем и обесценивает данную свою ссылку.

Иначе говоря, упрекая Н. Ю. Ломоури в том, что он противоречит себе, А. Скаков сам впадает в противоречие, настаивая на этнической пестроте античной Абхазии и в то же

время вынося за ее пределы два единственных, (кроме колхов) известных по письменным источникам этнонима, относимых другими исследователями к данному региону. Но даже если предположить, что он ошибается и кораксы с колами все же жили в нагорье нынешней Абхазии, то уверено это можно утверждать только для VI-IV вв. до н.э. (или даже только для VI, ведь упоминающий их в IV в. до н.э. Псевдо-Скилак также считается компилятором со Скилака Кариандского, автора VI в. до н.э.).

Упоминания колов и кораксов в I в. столь туманны, что здесь вполне вероятно простое, механическое калькирование с древних источников. По наблюдению М. Инадзе, именно §15 Плиния, где упомянуты кораксы – компиляция с древних текстов. А в предыдущем, 14 параграфе, при описании тех же мест, он их не упоминает. А есть ли сведения о них в промежутке между этими веками? Похоже, что они слились с колхами, либо (в лучшем случае) можно предположить, что территории данных племен, войдя в эллинистический период в состав Колхиды в качестве территориальных единиц, не замечаются по этой причине источниками и лишь с распадом Колхидского царства на составляющие единицы вновь ненадолго «всплывают», однако вскоре окончательно исчезают в водовороте бурных этно-политических процессов того времени. В любом случае, говорить о существовании этих племен в I в. можно лишь с большой долей скепсиса.

Безусловно прав А. Скаков, когда говорит о том, что «этническую карту и этническую номенклатуру региона следует рассматривать в динамике», но можно предположить как сужение, так и расширение этнического ареала колхов. В частности, в этом ключе следует рассматривать и наличие в определенные периоды весьма значительного картвельского элемента на Северо-Западном Кавказе (например, топонима «Старая Лазика» в р-не Туапсе, «колхских» племен кораксов и мосхов, помещаемых А. Скаковым севернее Колхиды,

«сваноколхов» Птолемея и др.), о чем поговорим ниже.

Третья глава работы А. Скакова: «Этническая карта региона: от ПсевдоСкилака до Плиния» посвящается разбору сведений древнегреческих источников об исторической Колхиде раннеантичного и эллинистического периодов. В ней автор пытается обосновать свой основной тезис – многоэтничность восточного Причерноморья различного рода аргументами. В целом, к аргументации автора по этому вопросу у нас нет серьезных замечаний, хотя коечто, на наш взгляд, всё же требует определённых разъяснений.

Например, мы не можем согласиться с выводом (лишь на основании сообщений Геродота о «соседях колхов», проживающих между их областью и Кавказским хребтом...);) А. Скакова о том, что «область колхов начиналась только у реки Фасис, то есть современной Риони». Эти «соседи» вполне могли обитать не между колхами и Кавказским хребтом, а рядом, восточнее колхов, но к югу от хребта. В любом случае, эти соседние объединения уже тогда, похоже, были под влиянием колхов (в частности, персидский протекторат приняли явно по их примеру) и не обязательно этнически чуждые им. Ведь на северо-востоке Колхиды жили сванские, а за ними – иберийские племена. Как будет видно ниже, сам А. Скаков этих «соседей колхов» ассоциирует с выделенной им же «джантух-лариларской» археологической культурой, а последнюю при всех оговорках связывает со сванами (т.е., опять же с грузинами). И это, по нашему мнению, вполне логично, т.к. у сванов должна была быть определенная специфика в рамках единой колхидской археологической культуры.

Кроме того, тезис о том, что северная граница исторической Колхиды проходила по р. Фасис, обычно подкрепляется следующей фразой Геродота: «...до Фазиса и владений колхов 30 дней пути». Однако, следует отметить, что данный текст слишком общий и не ясно, имеется ли в виду конкретно северная граница колхов, или центр их страны. Ведь

если, к примеру, сказать какому-нибудь иностранцу, что «от Тбилиси до Еревана, находящегося в Армении, можно доехать на поезде за день», то это вовсе не означает, что Ереван первый армянский пункт на пути из Тбилиси и лежит на самой границе с Грузией. Тем не менее, эта фраза не будет содержать конкретной ошибки и вполне приемлема в данном контексте, поскольку адресанта интересует путь до Еревана, а не подробности о границах. Абсолютно то же самое можно сказать и о вышеприведенной фразе Геродота. В конце концов, когда Ксенофонт говорит, что в его время потомок Аэта царствовал «на Фазисе», никто (включая и А. Скакова, как будет видно ниже) ведь не принимает этой фразы буквально и не пытается «впихнуть» все его «царство» (что бы оно из себя ни представляло) в названную реку или одноименный город. «Фазис» в обоих случаях – лишь приблизительный ориентир и как предполагаемое царство ксенофоновского «потомка Аэта», так и геродотовские «владения колхов», судя по контексту, должны были лежать на обоих его берегах.

То же самое можно сказать и в отношении сообщения ПсевдоСкилака Кариандского, согласно которому, «колхи занимали территорию от Диоскурии (район Сухума) до Апсара (ныне Гонио) : «за ними народ колхи и город Диоскуриада и Гиен, город эллинский». Диоскурия тут упоминается в северо-западном регионе Колхиды, но не обязательно на границе. Позже, когда появился Питиунт, его ведь также относили к Колхиде, а расширение Колхиды в северо-западном направлении в позднеэллинистический период (время предполагаемого появления Питиунта), когда эпоха колхского могущества была позади – мало вероятно.

Что же касается созвучия этнонимов: «колы» и «колхи», мы согласны, что это, действительно, не очень весомый аргумент для доказательства наличия прямой связи «этнонима «колы» с наименованием колхов». но это все же аргумент и одним махом отбрасывать его вряд ли оправдано. Тем более, что проти-

воположное мнение никакими аргументами вообще не подкреплено. Относительно же кораксов существует аргумент более веский – их упоминание Гекатеем, как «колхского племени».

В принципе мы не возражаем против точки зрения А. Скакова относительно локализации «колов» и «Колики» «северо-западнее современной Абхазии». Это, возможно, самый важный вывод в статье российского исследователя – своеобразный «момент истины», поскольку с «удалением» кораксов и колов (которых абхазские ученые однозначно считают предками нынешних абхазов и коренным населением Абхазии) за пределами современной Абхазии, единственными её обитателями практически остаются одни колхи. Если учесть, что наш российский коллега «за гениогами (и керкетами), на границе Колхиды» (где-то в р-не бассейна р. Псоу) помещает и мосхов, картвельское происхождение которых вряд ли ктонибудь может опровергнуть, то тогда предкам апсуа-абхазов автор места на территории нынешней Абхазии почти не оставляет. Причем, доводы автора звучат довольно убедительно. Здесь же отметим только, что автор фиксирует наличие западнее Сочи племени, имеющего какое-то отношение к Колхиде и колхам.

Нам представляется верной также и этническая картина Черноморского побережья, воспроизведённая на основе свидетельств Псевдо-Скилака и других античных авторов, хотя считаем необходимым отметить, что этно-племенная мозаика (а нередко и чехарда) наблюдается как раз к северу от Колхиды, а не в самой Колхиде. Неслучайно, что большая территория между Сухумской бухтой и р. Чорохи выглядит гораздо более стабильной и однородной.

Относительно же тезиса А. Скакова о необоснованности отождествления двух племен региона – соанов (сванов), и санигов, на том основании, что ...«саниги всеми античными авторами локализируются западнее Диоскуриады-Сébastополиса или же в районе этого го-

рода, а санны-соаны, наряду с фтирофагами, размещаются либо в горах над Диоскуриадой, либо значительно восточнее последней», то этот вывод далеко небесспорен. В этой связи, весьма надуманной кажется нам попытка учёного игнорировать совершенно чёткое указание Ипполита Римского (III в. н.э.), об идентичности суанов и санигов и объявить его «невразумительным высказыванием».

Следует обратить внимание на то, что соаны «размещаются» не только «либо в горах над Диоскуриадой, либо значительно восточнее последней», но они проживали и северо-западнее от Диоскуриады (Птолемеевские «свано-колхи»). Да и сообщение Ипполита Римского: «савны, т.н. саниги, которые распространены до самого Понта...». на наш взгляд, не содержит ничего «невразумительного». Возможно, в смысле точной географической локализации текст не совсем конкретен (ясно, что «савны» живут в Восточном Причерноморье, между горами и морем, но не совсем понятно, в каком именно пункте), но идентификация савнов (сванов) с санигами, «знак равенства» между ними вряд ли подлежит сомнению. И здесь ничего не меняет констатация факта, что «Не тождественны соаны и саннам, которых Арриан помещает недалеко от Трапезунта», так как соанов обычно идентифицируют со сванами (что, как будет видно ниже, при всех оговорках, в общем принимает и А. Скаков), в то время как, санны Трапезундского района, это чаны, хорошо известное мегрело-колхское племя, живущее в этом районе, сохранившем даже в нынешней Турции грузинское название «Чанети».

Не до конца внятно высказывается А. Скаков относительно самой этнической принадлежности соанов. По его мнению, «соаны, являющиеся... союзом племен, безоговорочно тождественны предкам современных сванов, хотя нельзя полностью исключать возможность некоторой преемственности между ними» При этом, А. Скаков не скрывает, что «Тождественность соанов и сванов не вызвала, кстати, сомнений у большинства как

абхазских, так и российских ученых» и ссылается на труды абхазского историка В. Ф. Бутба и некоторых российских исследователей. Несмотря на это, автор всё же считает неправомерной «проводить линию прямой преемственности между союзом племен конца I тыс. до н.э. и современным этносом затруднительно».

Скажем прямо, это утверждение (т.е. отрицание «прямой преемственности между союзом племен конца I тыс. до н.э. и современным этносом») в случае со сванами-соанами – не более «затруднительно», чем с любым другим этносом региона. Довольно путаное предложение данного отрывка должно, очевидно, означать, что соанское объединение автор считает союзом племен под доминированием сванов, но не чисто сванским. В принципе, мы не имеем ничего против подобного взгляда и считаем его вполне приемлемым. В частности, кроме сванов в него очевидно, входили мегрело-колхские племена (отсюда и двойное название «свано-колхи» у Птолемея), а также, не исключено, и иберийские и какие-нибудь северокавказские, или скифо-сарматские племенные группы (влияние соанов ведь не обязательно ограничивалось Кавказским и Лихским Хребтами). Но в любом случае, разделять соанов и нынешних сванов нельзя.

Конец главы посвящен проблеме гениохов, северо-западных соседей колхов. Автор склонен принимать версию о том, что гениохи были древнейшими обитателями практически всего Восточного Причерноморья, позже (очевидно, к началу раннеантичного периода) вытесненными из большей его части колхами и др. племенами, вследствие чего автор разделяет мнение Г. К. Шамба о том, что «со второй половины I тыс. до н.э. гениохийские племена в Восточном Причерноморье выглядят как отдельные островки». Соответственно, тех «гениохов», что основали вместе с махелонами в I в. царство в юго-восточном Причерноморье, он считает сохранившимся осколком многочисленного одноименного этноса, обитавшего там еще в доантичные времена, хотя

не исключает и их появления там на рубеже н.э., в результате бурных этно-политических процессов того времени на северо-западном Кавказе. При этом он, однако, отмечает, что «изменение этнической номенклатуры может и не означать изменения этнической карты региона» и вновь, очевидно, сводит на нет надежды абхазских историков, фактически отказываясь высказать четкое мнение об этнической принадлежности гениохов. Он выступает как против попыток связать гениохов (и санигов) со сванами, так и против выделения на территории Абхазии собственно «культуры гениохов» и их объявления, предками современных абхазов», на чём упорно настаивает абхазская историография.

Версия о том, что гениохи предшествовали собственно колхам на большей части исторической Колхиды, и ранее была популярна в Абхазии не только в ней. Повод для нее дает наличие еще в урартский период где-то на югозападе Грузии схожего (хоть и не идентичного) этнонима – «иганиехи», как и легендарные данные о проживании некогда гениохов на месте Диоскурии Фазиса. Сразу оговоримся, что ничего не имеем против данной версии, хотя считать ее доказаной, учитывая качество источников (и особенно – то обстоятельство, что греки при всем при этом все же всегда считали Восточное Причерноморье «Колхидой», а не «Гениохийей»), считаем преждевременным. Соответственно, вызывает удивление, что А. Скаков, при все своем осторожном отношении к письменным (а тем более – легендарным) источникам, практически безапелляционно заявляет, что «первоначальный ареал расселения гениохов (в качестве союза племен) в самом деле мог включать как Колхиду в узком смысле, так и прилегающие к ней с севера и юга территории». Тогда почему не сказать, что «первоначальный ареал обитания колхов» был от Геленджика до турецкого Орду? Что, кстати, совпадает с ареалом так нелюбимой А. Скаковым Колхидской Культуры?!

Сравнение же, гениоховских племен исто-

рической эпохи с «отдельными островками» явно служит цели представить их осколками некогда обширного одноименного объединения, ранее охватывавшего практически весь ареал археологической «Колхидской культуры» и, вероятно, создавшего ее. На самом деле гениохи в I тыс. до н.э. вполне компактно проживают на территории между Бзыбью (или Псоу), и Шахэ. Их владения не меньше, чем у прочих северных соседей Колхиды. Другое дело, что для четырех «царств» места действительно маловато. Но следует помнить, что греческие термины «басилей» и «басилей» неоднозначны и далеко не всегда относятся к настоящим царствам и царям, были «басилейи», представлявшие собой один городок с хорошей или несколько сел. Это – еще один повод не валить гениохов в одну кучу с Колхидой, стабильно локализуемой на довольно значительной территории. Однако в конце эллинистической эпохи на северо-западе Кавказе начались сложные миграционные процессы, вызванные перемещением джикских племен.

Этому весьма способствовали распад и безвластие в Колхиде после Митридатских войн и смерти Аристарха (в 48 г. до н.э.), создавшие в западном Закавказье вакуум сил, который просто не мог не вызвать активизации «горской стихии». Сам А. Скаков неоднократно и вполне справедливо связывает с этой активизацией перемещение части северокавказских этнонимов в Колхиду. Именно в рамках данных процессов начале н.э. гениохи, по-видимому под натиском зигов (джиков?) и санигов, действительно исчезают из мест основного обитания, а последний их осколок перемещается к макронам/махелонам, которыми впоследствии и поглощается. Эта миграция, скорее всего могла произойти по морю, что, впрочем, не должно было быть серьезным препятствием для известных мореходов-гениохов. Их нападение на Питиунт также могло быть результатом давления с севера или запада. В свете данных обстоятельств, версия (существующая, кстати, и в грузинской исто-

риографии) о каких-то таинственных «южных гениохах» – потомках упоминавшихся в урартских надписях «иганиехов», якобы прозябавших в забвении много веков и вдруг, в начале позднеантичного периода, воспрянувших из ниоткуда, кажется нам весьма надуманной.

И наконец, стоит ли проводить столь резкую грань между гениохами и колхами? Ведь если предположить, что гениохи – название одного из колхских племен, часть которого, оттесненная на север после создания Колхидского царства, сумела избежать поглощения победившими в данном процессе фасианами и сформировалась в отдельную племенную группу, то все вопросы снимаются сами собой. Но об их этнической принадлежности поговорим ниже.

В главе «Корреляция письменных источников с данными археологии» автор пытается подкрепить ранее выдвинутый тезис о полиэтничности колхидской культуры археологическими материалами, а также (несмотря на то, что сам же вполне справедливо выступает против отождествления археологических культур с конкретными этносами) – провести параллель между известными по греко-римским источникам этнонимами и выделенными им на территории Колхиды «археологическими культурами». Но давайте по порядку:

А. Скаков опирается на выдвинутую им же ранее (в том числе и на основании «некоторых, еще не введенных в научный оборот» данных) гипотезу о существовании в эпоху поздней бронзы – раннего железа «кобано-колхидской культурно-исторической общности, в рамках которой выделяется ряд самостоятельных, хотя и родственных культур» («Бзыбская», «Ингури-Рионская», «Джантухско-Лариларская», «Лечхумо-Имеретинская» и др. не вызвавшей, по его словам, «скольконибудь обоснованных возражений, исходящих из анализа археологического материала». По его мнению, материал из Тамышского, Бомборского и др. поселений того периода в Абхазии, «заставляет усомниться» в единстве

керамического комплекса этой эпохи в Западном Закавказье.

Хорошо еще, что именно «усомниться», а не огульно отрицать. Еще раз отметим, что говорить о «родственных археологических культурах, составляющих единую общность» или о единой культуре, поделенной на локальные варианты можно при желании применительно к одному и тому же явлению. Все дело в смысловом контексте, вкладываемом в эти слова, что опять же выходит за рамки археологии. Тем более, что составляющие «общность» культуры, раз уж они признаются «родственными», то стало быть, должны иметь и общее происхождение (т.е., опять же исходят из какойто одной культуры?). Так стоит ли «хоронить» единую Колхидскую культуру практически только на основании «еще не введенных в научный оборот» некоторых материалов? Ведь археология Колхиды не стоит на месте и что делать, если подобные материалы найдутся завтра в других ее районах, опять пересматривать концепцию?

Далее автор вновь выступает против отождествления «материальной и этнографической культур», т.е. археологической культуры и конкретного этноса. В данном случае он имеет ввиду прежде всего традиционное отождествление Колхидской культуры с картвельскими племенами. Особый интерес вызывает его фраза: «Как ни странно, доминирующие среди абхазских археологов ревнители тезиса о существовании единой колхидской культуры в своих построениях полностью единодушны с господствующей в грузинской исторической науке парадигмой».

Спрашивается, почему-же это «как ни странно»? Т.е. получается, что по «авторитетному» мнению (или может быть желанию?) нашего уважаемого коллеги, они обязательно должны во всем противоречить друг другу? Здесь, очевидно, самое время вспомнить о второй специальности автора, тем более, что он сам же признается, что это замечание имеет «не научный, а скорее, политический характер».

Следующая мысль А. Скакова находится в некотором противоречии с предыдущей. Теперь он пытается идентифицировать вычлененные им в Колхиде «археологические культуры» с упоминаемыми в античных источниках племенами. Так, территорию собственно колхов он соотносит с «Ингури-Рионской колхидской культурой», северные границы которой, впрочем, не ограничивает (несмотря на такое название) рекой Ингури, а включает в нее р-н Диоскурии вместе с Эшерой. Племена гелонов и меланхленов он с некоторыми сомнениями отождествляет соответственно, с «бзыбской культурой» и памятниками типа Гагринского могильника, либо «культуры, представленной обнаруженными недавно поселениями в районе Адлера». В нагорье восточной Абхазии и прилегающих районах Сванети он выделяет «джантухско-лариларскую культуру», которую с некоторыми оговорками относит к сванам, а также - «племенам, проживающим, согласно Геродоту, между колхами и Кавказскими горами».

Т.о. получается, что большая часть Абхазии, включая ее ведущие, приморские районы, остается за грузинами – колхами и сванами, не

считая «живущих где-то на границе Абхазии и Краснодарского края» мосхов. Остается добавить, что если уж относить Диоскурию, на основании письменных свидетельств, к территории колхов, то надо помнить, что и Пити-унт источники относили туда же. Остальная часть (фактически лишь междуручье Бзыби-Псоу) осталась племенам неясной принадлежности, абхазо-адыгское (и вообще некартвельское) происхождение которых на данный момент недоказуемо в принципе.

В результате, А. Скаков, несмотря на все старания, сумел выделить на территории античной Абхазии и соотнести с конкретными племенами всего 3 или 4 «археологических культуры» (из которых две крупнейшие сам же отнес к картвелам). Однако, на основании этих данных он тут же умудряется прийти к выводу о невероятной этнической пестроты данного региона. Что и пытается подкрепить сообщением Страбона о том, что в Диоскуриаду собирается если не 300, то уж не менее 70 народностей, причем «все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости» (XI,II,16).

Литература:

- [1]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа письменных источников. – Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института Востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. М., 2013. Электронную версию см.: Абхазская интернет-библиотека. http://apsnyteka.org.srv2.planethost.ru/1070-skakov_a_abkhaziya_v_antichnosti.html
- Наиболее наглядно это показано: А. Ю. Скаков. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Краткие сообщения Института археологии. Вып. 223. М., 2008. с. 143-172.
- [2]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 24-25.
- [3]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа ..., с. 24
- [4]. Г. Ф. Дундуа. Нумизматика античной Грузии. Тб., 1987, с.100 и след. Надо отметить, что Г.Дундуа не отрицает, как и не подтверждает существование Колхидского царства, а лишь констатирует недостаточность нумизматического материала для конкретных выводов по данному вопросу.
- [5]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с.25.
- [6]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 24, 49.
- [6] Страбон. География, гл.II, #5; В.Латышев. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб, 1893, т.1, с.137.

- [8]. Страбон. Ук.соч., с.138.
- [9]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [10]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [11]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25.
- [12]. С. Н. Джанашиа. Историческая география Причерноморья. – Труды, VI. Тб., 1988, с. 296-314 (на груз. яз.); В. Джапаридзе. О некоторых проблемах археологии Северо-Западной Колхиды. Абхазия. – Исторические разыскания. Ежегодник научных трудов Абхазской организации Всегрузинского исторического общества им. Еквтиме Такашвили. X-XI. Тб., 2008, с. 419. Электронную версию см.:
<https://sites.google.com/site/saistoriodziebani/dziebani2007-2008>
- [13]. З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 131-134; Ш. Д. Инал-Ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 195 и др.
- [14]. К. В. Голенко. Аристарх Колхидский и его монеты. К истории Колхиды I в. до н.э. – Вестник древней истории (ВДИ). №4, 1974, с. 110.
- [15]. Подробно см. Очерки истории Грузии, т. 1., Тб., 1989, с. 205-208.
- [16]. Ю. Н. Воронов. Некоторые проблемы социальной истории Северной Колхиды в эпоху греческой колонизации. Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979.
- [17]. См. Д.Каллистова, А. Павловский, В.Струве. Всемирная история. М., 1956, т.2, с.414.
- [18]. Плиний Секунд. Естественная история, кн.33; В.Латышев, ук.соч., т.2, с. 197-198.
- [19]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 25. На этот раз автор ссылается исключительно на свои публикации: А. Ю. Скаков. К вопросу о выделении археологических культур в Западном Закавказье. – Традиции народов Кавказа в меняющемся мире. Сборник статей к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. СПб., 2010, с. 48-67; А. Ю. Скаков. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа. – Краткие сообщения Института археологии (КСИА). Вып. 223. М., 2009, с. 143-149; А. Ю. Скаков. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X-VII вв. до н.э. – Российская археология. 2008. № 1, с. 15-27.
- [20]. Н. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи. Тб., 1997, с. 5, 6.
- [21]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 26.
- [22]. Прокопий Кесарийский. Война с готами, М., 1950, с. 376.
- [23]. Геродот. VII, 79, см., В.Латышев, Известия..., т.1, с.57; об этом см., также, комментарии Г.Меликишвили. Очерки истории Грузии, т.1. Тб., 1989, с.219-222.
- [24]. Псевдо-Скилак. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии и Ливии; Латышев. Известия..., т.1, с.85-86.
- [25]. См. М. Инадзе. Древнеколхидское общество. Тб., 1994, с.258-259 (на груз.яз., с рус. резюме).
- [26]. О границах Колхиды см. там же, с.259.
- [27]. Псевдо-Скилак. Описание..., в кн.: В.Латышев, ук.соч., с.85.
- [28]. Плиний Секунд. Естественная история, кн.6, #15. Латышев..., с.179.
- [29]. А.Скаков. Абхазия..., с.28-30.
- [30]. Н. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи, с. 6-7.
- [31]. Н. Ломоури. Абхазия в античную и раннесредневековую эпохи, с. 16.
- [32]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 26.
- [33]. М.Инадзе. Вопросы этнополитической истории..., с.61; Д. Мухелишвили. Исторический статус Абхазии в Грузинской государственности. – Разыскания по истории Абхазии/Грузия. Тб., 1999, с. 115.
- [34]. М. П. Инадзе. Описание Колхиды в «Естественной истории» Плиния Старшего. «Кавказско-Ближневосточный сборник». Тб., 2001, с. 201 (на груз. яз.).
- [35]. Геродот. История..., гл.6. В кн. В. Латышев, Известия..., т.1, с.9.

- [36]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 27.
- [37]. Herod., I, 104. См. В.Латышев, т.1, с.9.
- [38]. Псевдо-Скилак, ук.соч., с.85-86.
- [39]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 28.
- [40]. Гекатей Милетский. Землеописание. См. Латышев, т.1, с. 2-3.
- [41]. Г.Шамба. К истории Абхазии в раннеантичную эпоху. Проблемы греческой колонизации Северного и восточного Причерноморья. Тб., 1978, с.339-340.
- [42]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 31.
- [43]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [44]. Птолемей. Географическое руководство. Латышев, т.1, с.239.
- [45]. Иполит Римлянин, §233.
- [46]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [47]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [48]. В. Ф. Бутба. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001, с. 112.
- [49]. В.П. Буданова. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М. 2000, с. 346; А. В. Подосинов, М.В. Скржинская. Римские географические источники: Помпонию Мела и Плиний Старший. Тексты. Перевод. Комментарий. М. 2011, с. 310, примечание 463.
- [50]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 32.
- [51]. Г. К. Шамба. Культура племен Абхазии в первом тыс. до н.э. Авториферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ереван., 1987, с. 22.
- [52]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 34-35.
- [53]. Данная точка зрения берёт начало от З. В. Анчабадзе (З. В. Анчабадзе. История и культура древней Абхазии. М., 1964, с. 136-137), затем её отстаивал Ш. Д. Инал-ипа (Ш. Д. Инал-ипа. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976, с. 188), но наиболее активно этот тезис отстаивают авторы т.н. «учебного пособия» по истории Абхазии. См. О. Бгажба, С. Лакоба. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007, с. 61-67.
- [54]. Ю.Воронов. Ук, соч. с.27-36.
- [55]. З. Папаскири. Так не пишется история. Некоторые замечания по поводу т.н. «учебника» «Истории Абхазии» О. Х. Бгажба и С. З. Лакоба. – „Кавказ и мир“. Международный научный журнал. №8, 2010. – Данную публикацию см. также в кн.: З. Папаскири. Моя Абхазия. Воспоминания и размышления. Тб., 2012, с. 324. http://dSPACE.nplg.gov.ge/bitstream/1234/29851/1/Moia_Abkhazia.pdf.
- [56]. Страбон («География», гл.11, п.14) сообщает, что им принадлежит береговая полоса длиной в 1000 стадий (вдвое больше, чем у ахеев!), между Питиунтом и владениями Ахеев, т.е., до р. Шахэ.
- [57]. См. Л.Морган. Древнее общество. Л., 1935, с.142-143. Об этом подробно см.: С. М. Перевалов. Проблема гомеровской царской власти в современной историографии. – Общество и государство в древности и средние века. Под ред. Ю. М. Сапрыкина. Изд-во МГУ. М., 1986, с. 14-34. Там же соответствующая лит.
- [58]. А. Ю. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 33,75.
- [59]. М.Инадзе. К истории племен, населявших Восточное побережье Черного моря (гениохи) Материалы По Истории Грузии и Кавказа, 1995, с.32 (на груз.яз.); Н.Ломоури. Западная Грузия в политической системе Рима (I-IV вв. н.э.). грузинская дипломатия, №6. Тб., 1999, с.78 (на груз.яз.). Г.Меликишвили. К истории древней Грузии. Тб., 1959, с. 114.
- [60]. См. А. Мошинский, А. Скаков. Кобано-колхидская культурно-историческая общность; внутренняя структура и отражающие ее понятия. – В. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения. 1 Всероссийские Миллеровские чтения. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008, с. 28-29.
- [61]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с.37-38
- [62]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 38.

- [63]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с.38.
- [64]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 40. Об этом см. также: А. Скаков. Хронология могильников Колхиды раннего железного века. – Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2. СПб., 2003, с. 142-144.
- [65]. Р. Мимоход, А. Скаков, А. Клещенко. Новые данные о поселениях р-на Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности). – Материалы международной научной конференции, посвященной 70-летию Ю. Н. Воронова. Сухум, 2011, с. 61-74.
- [66]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 40.
- [76]. А. Скаков. Абхазия в античности. Попытка анализа..., с. 41.

NODAR BERULAVA

Doctor of History, Associate Professor of Sukhumi State University (Georgia)

ON THE COVERAGE OF SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE ARCHEOLOGY OF ABKHAZIA IN MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

Summary

The name of Alexander Yuryevich Skakov is well known to all who have had the opportunity to study the problems of archeology and history of the Caucasus. However, archeology and history are only one aspect of A. Skakov's activities. In addition, he was the coordinator of the working group of the Center for the Study of Central Asia and the Caucasus of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, a well-known political scientist and, in general, a "broad-based" specialist in Caucasus affairs, working for the government of the Russian Federation and, accordingly, being a kind of mouthpiece for the Kremlin's anti-Georgian propaganda. The material we present is a response to the publication of A. Yu. Skakov "Abkhazia in Antiquity: An Attempt to Analyze Written Sources." In this work, the author pursues the goal of once again substantiating the thesis he has long cherished – about the heterogeneity of the Colchian culture and the ethnic composition of the bearers of this culture. Let's be honest, there is nothing reprehensible in such an approach, in a scientific sense, of course, if it were not for the initially biased desire of the author (moreover, undisguised and directly declared in the first lines of the publication under consideration) - at all costs, to refute the generally accepted (as A. Skakov himself admits) position in science about ancient Colchis as the cradle of ancient Georgian statehood and the identification of this culture with the Kartvelian tribes, known in ancient sources as the Colchians, as well as the original area of the Proto-Kartvelian (more precisely, Megrelo-Chan and Svan) tribes. However, to overthrow an established, generally accepted concept, it is not enough to simply find a number of arguments that cast doubt on some of its provisions and allow for a different interpretation. To do this, it is necessary, if not to create your own, more convincing version, then, at a minimum, to prove the presence of a significant number of facts that cannot be explained within the framework of the existing concept. It is precisely with this task, despite the long and careful preparation, collection and appropriate interpretation of facts, that the author, in our opinion, failed. Facts, no matter how you interpret them, are stubborn things, and objectively the picture painted by A. Skakov, despite all the efforts and rhetoric of the author, can hardly correspond to the goal he has set.

In this regard, A. Skakov freely interprets Strabo's information. Citing the ancient Greek geographer's report that the kings of Colchis «owned a country divided into skeptukhia» and «their

well-being was not great», the scientist draws a parallel with the clearly backward tribes of the region - the Geniokhs, who had 4 «kingdoms» divided into «skeptukhia», and the Soanians, whose king's power was limited to a council of 300 tribal leaders. «Thus,» writes A. Skakov, «the supposedly powerful Colchians, backward pirate tribes ... and the Soanian mountaineers stand in the same row: the royal power of both was quite weak, and it is impossible to talk about the existence of stable state formations for this time.» At the same time, «the available archaeological and linguistic data do not allow us to speak of the cultural and ethnic unity of the population of Western Transcaucasia in the 2nd-1st millennia BC.» Based on this, the Russian researcher finds it unfounded «to directly connect it (the Colchis Kingdom - author) exclusively with the Kartvelian or only with the Abkhaz-Adyghe circle.» The fact that Western Transcaucasia, as a whole, was in fact multi-tribal is unlikely to be seriously disputed by anyone, but this does not mean at all that the entire territory of historical Colchis was a continuous «international.» It is quite obvious that the greater part of the region, including at least the center and coast of Abkhazia – the environs of Dioscuria-Sebastopolis, Pitiunt, etc. were purely Colchian. In general, the idea of the multi-tribal nature of Colchis is not new. In Abkhaz historiography, there have been previous attempts to explain the absence of references to Abkhaz and other tribes in the main territory of Colchis in ancient written sources by the fact that the latter, in the eyes of foreigners, were usually associated with the Colchians. However, the mention of the Koraxes, Kols, etc. in the vicinity of the Colchians means that the name of the Colchians in the early antique period did not yet “overlap” the names of other, more or less autonomous (although, quite probably, ethnically close to the Colchians) tribes of Colchis, including the “Colchian”, according to Skilak, tribes (“Colchian” ethnically or politically? Or both?) – the Koraxes and Moskhs. Accordingly, it was the Colchians who lived in the remaining territories of Colchis, otherwise the names of other non-Colchian tribes would have been preserved in the sources, like the Koraxes and Kols. And these were the central, leading regions of Colchis, including present-day Abkhazia, so that even if we “concede” to the Abkhaz-Adyghe who live somewhere in the mountain gorges of the Koraks and Koly, the Kartvelians (or, if you like, the Proto-Kartvelians) in Abkhazia in that era still do not look like newcomers, but like the main ethnic element occupying the greater part of this region, including its leading, coastal regions.